

ИСТОРИЯ

УДК 94(57):349.4

DOI: 10.18324/2224-1833-2021-71-76

Поземельные отношения в Южной Сибири: этносоциальный аспект

В.Н. Асочакова^{1а}, Е.В. Самрина^{2б}

¹Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Ленина 92, Абакан, Россия

²Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Щетинкина, 23, Абакан, Россия

^аasocvn@mail.ru, ^бesamrina@mail.ru

Статья поступила 16.09.2021, принята 19.09.2021

В статье исследованы особенности землевладения и землепользования автохтонного населения Южной Сибири – хакасов в условиях присоединения к российскому государству. На основе архивных материалов проанализированы факторы, повлиявшие на структуру землевладения, эволюция земельной политики государства в Сибири, структура и динамика развития землепользования, этносоциальный аспект поземельных отношений. Выявлено, что по мере исчерпания фонда свободных земель, встал вопрос об изъятии земель из пользования коренного населения и старожилов, что привело к обострению этносоциальных конфликтов.

Ключевые слова: Сибирь, ясачные, землевладение, землепользование, хакасы.

Land relations in South Siberia: ethnosocial aspect

V. N. Asochakova^{1а}, E. V. Samrina^{2б}

¹ Khakass State University named after N. F. Katanov; 90, Lenin Ave., Abakan, Russia

²Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History; 23, Shchetinkin St., Abakan, Russia

^аasocvn@mail.ru, ^бesamrina@mail.ru

Received 16.09.2021, accepted 19.09.2021

The article examines the features of land tenure and land use of the autochthonous population of Southern Siberia – the Khakass in the conditions of joining the Russian state. On the basis of archival materials, the factors are analyzed that influenced the structure of land tenure, the evolution of the state's land policy in Siberia, the structure and dynamics of land use development, the ethnosocial aspect of land relations. It is revealed that as the fund of free lands was exhausted, the question arose about the withdrawal of land from the use of the indigenous population and old-timers, which led to an aggravation of ethnosocial conflicts.

Keywords: Siberia, "yasachnye", land ownership, land use, the Khakass.

Земли коренных народов Сибири после присоединения к Российскому государству имели особый статус. Они становились соб- ственностью государства, но до XIX в. при возникновении земельных конфликтов, государство принимало сторону местного насе-

ления. Права автохтонов, прежде всего касающиеся землепользования, опирались не столько на закон, сколько на практику и обычное право. При разрешении конфликтов, связанных с землей, государство исповедовало принцип «права давности» землеустройства и землепользования, что в случае автохтонов означало, что земли, принадлежащие «ясачным людям», могли быть изъяты только по «высочайшему соизволению». [1, с. 17, 23].

Коренное население имело право постоянного пользования землями; пришлое население не имело право покупать земли у ясачных людей, а также менять их или брать в наем. Нарушители «за то от государя быти в опале» [2, с. 228].

Первый законодательный акт, регулирующий статус коренных народов Сибири, назывался Устав об управлении инородцев [3], он был принят 22 июля 1822 г., а в 1892 г. его переименовали в «Положение об инородцах» [4].

Земельные отношения Сибири имперского периода формировались под влиянием ряда обстоятельств, таких, например, как наличие свободного фонда земель, пестрый состав переселенцев, традиционные формы землепользования коренных народов, государственное управление земельными ресурсами и т.д.

Данная статья предлагает рассмотреть вопросы землепользования коренного населения Хакасско-Минусинского края – хакасов в XVIII–XIX вв. Предлагаемый к рассмотрению вопрос остается спорным, он не получил достаточных разъяснений в историографии. В целом современная историческая наука с особым вниманием относится к проблемам социально-экономического развития народов Сибири.

Присоединение к Российскому государству сказалось на демографии хакасов более чем на других народах Южной Сибири [5]. В 1890 г. хакасы, численностью 30 057, занимали территорию в 35 105 кв. км. Территория была вытянута с севера на юг на 425 км, в самом широком месте составляла 210 км. Это информация хакасского этнографа В. Я. Бутанаева [6, с. 12, 122].

По мнению одного из исследователей Сибири Г.И. Спасского, земли хакасов были

наследственной собственностью родовых стойбищ [7]. А.П. Степанов, первый енисейский губернатор [8, с. 82], а также Н.А. Костров, этнограф и краевед, придерживались мнения, что стойбища принадлежали тому, кто их первый занял [9, с. 28]. В.Г. Карцов считал, что во второй четверти XIX в. у хакасов было три формы землепользования: родовой, феодальный, капиталистический [10, с. 158–159]. По утверждению В.Я. Бутанаева, территория представляла собой большую земельную общину, а владельцем земли считалась родовая верхушка (ведомство). Фактически же распоряжение и владение землей было связано с владением скотом. Представители рода пасли скот, пахали землю, рубили дрова, возводили заимки, посторонние же должны были платить оброк за право пользования землей, эти средства шли на нужды ведомств [6, с. 62–63].

С увеличением количества русских переселенцев автохтонам пришлось покинуть родовые места и переселиться на левый берег засушливого степного центра Хакасско-Минусинского края. К этому времени в Красноярском остроге закрепились русские, они начали осваивать правый берег Енисея для хозяйственных нужд. В Алтысарском улусе кыргызов появились русские поселения.

Все это привело к тому, что качинцы постепенно изменили территорию кочевания: переселились в Хакасско-Минусинскую котловину. Части сеюков земли для кочевания определили вверх по Енисею, близ Карaulьного и Абаканского острогов, другим – по р. Каче «...до Малово Кемчугу и по Кодагу и от Малогва Арею до маяку...» [10, с. 26]. Миграция кетских племен шла к югу по правой, а частично возрастая к концу XVIII столетия, – по левой стороне Енисея. Хайтонов улус после 1639 г. из Коттской землицы на р. Кане переместился к югу в бассейн р. Сыды [11, с. 233].

Койбалы и яринцы, населявшие ранее приенисейские долины, переместились на левый берег Енисея. Местом обитания большинства койбалов стала Койбальская степь, в непосредственной близости от абаканских качинцев [12, с. 226].

Возможно, миграцию вызвали требования качинских и тубинских князей, которые оказались отрезанными от своих заенисейских

кыштымов русскими поселениями. В.Г. Карцов ссылается на замечание П.С. Палласа о том, что яринский князец живет на р. Уйбате, не вместе с подчиненными ему яринскими родами [10, с. 55].

В вопросе землепользования ясачных отдельное место занимает резолюция на донесение иркутского вице-губернатора Ланга 1 февраля 1740 г. Она позволяла заводить ясачным пашни только при условии сохранения «звериных промыслов», при этом администрация должна строго контролировать этот процесс [13, с. 27, 31].

Большое значение для сибирской земельной политики имел Указ 1749 г., который, например, администрации Саянского острога предписывал строго следить, «чтоб всякого чина люди... у татар никаких земель не покупали и не меняли, и в заклад, и вдачу, и в наем не имали» [14, с. 96].

Политика сохранения традиционных укладов в Сибири была продолжена во времена Елизаветы и Екатерины. Указы 1748 г. и 1763 г. запрещали производить в Сибири земельные сделки с автохтонами.

В земельной политике российского государства в Сибири происходило несовпадение формально-юридического и фактического состояния дел. Коренное население постепенно вытеснялось со своих родовых земель. Например, в распоряжении, направленном на охрану ясачных территорий, запрещалось пускать русских на поселение «в инородческие селения» Под пашню разрешалось отводить только «излишние» ясачные угодья, которые на расстоянии не ближе «500 сажен находятся» [15, л. 12]. Это распоряжение было попыткой найти консенсус между коренным и пришлым населением, как говорилось в документе: «Как и прежние владельцы чрез то обижены, так и новопоселяющиеся надлежащего удовольствия лишены не были» [16, л. 2-7]. Результатом стало юридическое обоснование передачи ясачных земель поселенцам, власти фактически расширили права переселенцев на землепользование в Хакасско-Минусинском крае.

Таким образом, у переселенцев из Центральной России было два способа получить землю в Сибири: по жалованию государя, захват якобы пустующих, «излишних» земель аборигенов. Захватно-заимочная форма зем-

лепользования стала очень распространенной, количество конфликтов, вызванных борьбой за более продуктивные земельные угодья, рыбные тони, увеличилось. Поселенцы все чаще претендовали на освоение сельскохозяйственных земель (сенные покосы, пашенные земли).

Конечно, если спор возникал по поводу охотничьих угодий, то государство принимало сторону ясачного населения, немалую роль в этом играли собственные фискальные интересы [17, л. 2 об]. Но это случалось не всегда, зачастую огромными охотничьими угодьями пользовались и владели не аборигены. Люцидарская А.А. писала, что к XVIII в. у томской «литвы» во владениях находились огромные даже по сибирским масштабам заимки (до 300 дес.), из которых в хозяйственном обороте под пашней и покосами находилась мизерная часть земель [18, с. 24-32]. Очевидно, что упомянутые владения использовались как охотничьи угодья.

При таких обстоятельствах переселенцы очень активно осваивали сельскохозяйственные земли Южной Сибири. Если крестьянин претендовал на земельный участок, на котором не было бобровых гнезд, а коренные жители и другие переселенцы подтверждали, что на данном участке невозможно вести охотничий промысел, то эта претензия удовлетворялась.

В делах Красноярской воеводской канцелярии (1756) сохранилось одно из многих дел о захвате родовых земель. Крестьяне деревни Миндирлинской и Рождественский девичий монастырь заявили права на родовые кочевья качинцев, расположенных по рр. Большая и Малая Бузима. По закону земли не подлежали отчуждению, т.к. в урочищах располагались бобровые гнезда. Но качинцы не смогли подтвердить свои исконные права на эту территорию. Как отмечено в , «у них на ту землю данных и никаких крепостей не имеетца». Качинцы ссылались на обычай и «давность», по которым земли предков должны принадлежать потомкам. В документе написано, что ясачные «есаул Килчин Окунев с товарищами» утверждали «словесно», что у дедов и отцов их «на Большом Бузиме имеетца звериные промыслы», а на р. Миндирла – боровые гнезда, на Малом Бузиме – стойбища [19, с. 23-24].

Спорные территории якобы обследовали, бобровые гнезда не нашли, и земли изъяли. Огромные родовые земли были переведены в сельскохозяйственные угодья. Были опрошены заинтересованные крестьяне и старожилы Миндирлинской деревни, которые подтвердили, что в урочищах не ведется охотничий промысел [19].

Согласно документам о межевании и освидетельствовании, урочища передавались во владение г. Красноярска и крестьянам Миндирлинской деревни. Под пашни отдали две тысячи десятин и под сенные покосы – земли на десять тысяч копен. Часть территории была отдана под подворные строения. Качинцы отказались подписывать документы, но это не повлияло на ситуацию [19, с. 25].

В начале XIX в. уже основная масса яринцев-тинцев перешла в Качинскую степь. По данным Г. Ф. Миллера, в 1730-х гг. они обитали вместе с бахтинцами на восточной стороне Енисея (по речкам Беллыкского белогорья), а в 1770-х гг. П.С. Паллас описывал их, как кочующих по речке Ерба и Теси уже на западной стороне Енисея.

К концу XVIII в. такие явления, как захват и самовольное заселение качинских территорий, стали обыденным явлением. Местное население пыталось бороться за свои права, но чиновничья система была не на их стороне.

Эту ситуацию хорошо иллюстрирует дело, сохранившееся в Канцелярии генерал-прокурора Сената за 1797 г. «Переписка по поводу ясашных князцов и князцов Качинской земли, Красноярского уезда, Колыванского наместничества на титулярного советника Родионова и просьбы и размежевании их земель, с приложением списка взяток, которые вымогал Родионов» [17]. В соответствии с указом от 12 декабря 1796 г, в течение 1796–1798 гг. упразднили наместничества. Сибирь разделили на губернии: Тобольскую и Иркутскую. Ликвидированное наместничество вошло частями в обе губернии, Красноярский уезд – в Тобольскую губернию в 1797 г. Поэтому часть документов по жалобе качинских родов осталась в Тобольской губернии, а часть – в Иркутской. Об этом сообщалось в рапорте губернского прокурора Иркутской губернии генерал-прокурору Куракину [17, л. 7].

В 1795 г. князцы и ясачные Качинской земли Красноярского уезда подали жалобу тайному советнику генерал-прокурора Сената князю Алексею Борисовичу Куракину. В Санкт-Петербург были направлены два самых уважаемых человека: Петр Шалгинов и Владимир Билетков (при крещении Владимир Ломаческий). Суть жалобы заключалась в том, в Колыванском наместничестве не проводилось генеральное межевание земель. Это позволило русским крестьянам захватывать качинские угодья и самовольно селиться на их родовых землях. Поэтому качинцы несут убытки в скотоводстве, поселение русских крестьян может привести «к разорению» [17, л. 1].

Князь Куракин дал поручение М. Сперанскому, тогда еще начинающему гражданскому чиновнику, разобраться с жалобой [17, л. 6–7, 9]. Куракин взял М. Сперанского в 1796 г. себе домашним секретарем для ведения переписки на русском языке. Уже в 1797 г. М. Сперанский стал титулярным советником в канцелярии генерал-прокурора.

Вероятно, это была не первая и не единственная жалоба ясачных. Неоднократно хакасская верхушка обращалась за помощью к Директору департамента экономии, но безрезультатно. О том, что качинцы оказались в «крайнейшей нужде», было сообщено в Красноярский земской суд и наместнику Колыванского наместничества генерал-поручику Борису Ивановичу Меллеру. В администрации были выписаны подорожные документы для поездки в Санкт-Петербург. Красноярскому исправнику титулярному советнику Родюкову также сообщили, что качинцы собираются ехать в Сенат. На эту поездку, которая, по некоторым подсчетам, должна была занять около двух лет, на проживание и другие нужды качинцы собрали огромную сумму в 3673 рубля.

Билетков и Шалгинов были доставлены в г. Томск, а позже по приказу Родюкова переведены в тюрьму г. Красноярска. Меллер Б.И. изъял деньги в сумме 3020 руб., как якобы незаконно собранные с жителей Качинской земли. А оставшуюся часть денег присвоил себе Родюков [17, л.1].

Конечно, князцы Качинской земли Койбальского, Шилошина и Ястынского улусов делали попытки защитить своих людей.

Они направили Колмакова, который являлся представителем нескольких родов, в Барнаул с поручительством (доверенностью) на задержанных. Также он вёз жалобу на безобразия, творимые исправником Родюковым. Новый сбор денег и отправка посыльных вызвали гнев исправника, князьям пришлось подарить ему соболей, иначе исправник угрожал заковать заключенных в кандалы.

В жалобе князья ссылались на указ императрицы Елизаветы Петровны, который предписывал представителям государственной власти «обходиться с нами ласкою и никаких прищепок разорений не чинить». Князья просили объективного разрешения земельных споров, честного разбирательства в суде, а также вернуть отобранные деньги. Упомянулось в жалобе, что все они платят ясак в казну «вовремя и бездоимочно» [17, л. 2 об].

Но, к сожалению, все расследование по этой жалобе свелось к осуждению действий исправника Родюкова. Первоначальная жалоба о земельных тяготах качинцев затерялась в переписке чиновников. В частности, в рапорте Иркутского губернского прокурора и канцелярии губернатора говорилось только об удовлетворении иска по отношению к Родюкову, причинившему материальный ущерб качинским князьям и «татарам» [17, л. 8 об].

А к моменту рассмотрения жалобы, земский исправник, титулярный советник Родюков, получил орден Св. Владимира 4-й степени по Указу Ее Императорского Величества.

Об этом сообщили Степану Меденкову, князю Мало-Байкотовского улуса Койбальской земли, чтобы он именовал Родюкова «кавалером в доношениях и других бумагах» [20, с. 9–10].

Дело затянулось, а вопрос так и не был решен. Причинами явились и ликвидация Кольванского наместничества, и политика Павла I по упрощению системы местного самоуправления, и несогласованность властей всех уровней в вопросах землевладения и землепользования.

Это, одно из многих дел, показало невероятный диссонанс в действиях административной системы: заторможенность,

несуразность, бумажную волокиту, многолетнее рассмотрение, бесконечную переписку чиновников.

Как видим, политика Российского государства в отношении ясачных, их образа жизни, связанного с традиционными промыслами, ко второй половине XVIII в. не изменилась. Появилось понятие «ясачного земельного владения», сдавать его в аренду было нельзя. Предполагалось, что это защитит лесные угодья ясачных от русских промысловиков.

К концу XIX в. века свободной земли, пригодной для земледелия для тех, кого государство хотело наделить, практически не осталось. Были только земли, для обработки которых требовались огромные усилия. Это приводило к увеличению количества поземельных конфликтов. Анализ документов позволяет сделать вывод о том, что в основе поземельных конфликтов лежала не только правительственная политика, но и несовпадение мировоззренческих установок коренного населения и крестьян, выходцев из Европейской России, формально-юридических и сущностно-содержательных аспектов землевладения и землепользования различных этносоциальных групп населения Сибири.

23 мая 1896 г. был принят землеустроительный закон. Предполагалось, что у коренного и старожильского населения будет изъят «излишний» земельный фонд, а это поможет решить аграрный вопрос, остро стоявший в центральных районах России. Закон принимался для реализации принципа: окраины империи должны служить интересам центра. К сожалению, этот закон не учитывал количество крестьян, которые можно было разместить на землях Южной Сибири.

Правительство России оказалось не готово к решению вопроса о землепользовании, проблем с расселением переселенцев в Сибири. Это приводило к всеобщему недовольству. Кочевые народы были недовольны тем, что их земли изымаются без всякой компенсации, переселенцы-старожилы, пережившие трудности начала колонизации, тем, что у них отбирали «излишки», новые переселенцы – недостатком и качеством свободных земель.

Литература

1. Доронина И.А. Политико-правовые основы формирования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера России. На примере Ненецкого автономного округа: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2005. 197 с.
2. Андриченко Л.В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации: Дисс...докт. юр. наук. М., 2005. 473 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 38. 1822–1823 г. СПб., 1830. 1352 с.
4. Свод законов Российской империи. СПб., 1903. Т. 2. Ч. 1. Тетрадь 7. С. 531–541.
5. Борисов А. А. Историко-демографические процессы у «кочевых» инородцев Восточной Сибири // Историческая демография. 2013. № 1 (11). С. 30–37.
6. Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX в.). Абакан: Хакас. отд. Краснояр. книж. изд-ва, 1987. 175 с.
7. Спасский Г. И. Народы, кочующие в верховьях реки Енисей // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1. С. 87–111.
8. Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск: Горница, 1997. 224 с.
9. Костров Н. А. Качинские татары. Казань: Типография губернского правления, 1852. 66 с.
10. Карцов В. Г. Хакасия в период разложения феодализма. XVIII– первая четверть XIX вв. Абакан: Хакас. обл. типограф., 1970. 199 с.
11. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960 .Серия: Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. LV. 662 с.
12. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М.: Наука, 1993. 523 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб, 1830. Т. 11: 1740–1743. 998 с.
14. Ватин В. А. Минусинский край в XVIII веке. Этнод по истории Сибири. Минусинск: типография А. Ф. Метелкина, 1913. 232 с.
15. РГАДА. Ф. 24. Д. 49. Известия о хлебопашестве в Сибири и в других местах, представленные от тайного советника Федора Соимонова.
16. РГАДА. Ф. 24. Д. 33. Всеподданнейший доклад Сената касательно управления Сибирью.
17. РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 24. Переписка по поводу ясашных князцов и князцов Качинской земли, Красноярского уезда, Колыванского наместничества на титулярного советника Родионова и просьбы и размежевании их земель, с приложением списка взяток, которые вымогал Родионов.
18. Люцидарская А. А. Польские переселенцы в сельскохозяйственном освоении Томского уезда. // Проблемы трансмиссии и бытования этнокультурных традиций славянского населения Сибири XVIII–XX в. Новосибирск, 2005. С. 6–23.
19. Межэтнические связи Приенисейского региона: сб. док. Ч. 1. 1609–1916 г. Красноярск: ООО ИЦП «КАСС», 2007. 215 с.
20. Кузнецов-Красноярский И. П. Архив Аскызской Степной Думы. Томск: Губ. тип., 1892. 41 с.